

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ

С. Лэш, Дж. Урри

ХОЗЯЙСТВА ЗНАКОВ И ПРОСТРАНСТВА (введение)

Скотт ЛЭШ

[Scott LASH] – директор Центра культурных исследований у Лондонском университете.

Email: s.lash@gold.ac.uk

Джон УРРИ

[John URRY] – профессор Ланкастерского университета.

Email: j.urry@lancaster.ac.uk

Источник: *Lash S., Urry J. Economies of Signs and Space.* L.: Sage, 1994. P. 1–7, 10–11. Впервые на русском языке опубликовано в кн.: *Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики / Сост. и науч. ред. В.В. Радаев; пер. М.С. Добряковой и др. М.: РОССПЭН, 2004. С. 600–606.*

Рассматривается трансформация капитализма, связанная с переходом от производства материальных объектов к производству знаков, размыванием крупных социальных структур и их замещением информационными и коммуникативными структурами, превращением хозяйства в пространство когнитивной и эстетической рефлексивности.

Ключевые слова: дезорганизованный капитализм, потребительский капитализм, рефлексивная модернизация, рефлексивная субъективность.

Введение: После организованного капитализма

Кто сегодня читает Маркса? После десяти лет захвата компаний с использованием заемных средств [leveraged buyout], всеобщей озабоченности состоянием озонового слоя, а больше всего – после крушения коммунизма в Восточной Европе, возможно ли найти автора, более вышедшего из моды, более «допотопного», чем Маркс? 1980-е годы загнали его «в могилу», навсегда похоронив его одиозные работы на задворках истории. И даже если мы не приблизились к концу истории в целом, мы несомненно – в конце *его* истории, основанной на анализе раскрывающихся противоречий *промышленного* капитализма. То общество и его противоречия определенно ушли в прошлое.

Однако есть и другой Маркс – не столько теоретик промышленного капитализма, сколько первый аналитик «современности» [modernity]. Именно к этому Марксу мы обращались в работе «Конец организованного капитализма»¹. Ему было всего тридцать лет, когда он написал, что с приходом эпохи современности «все прочное растворяется в воздухе». Есть Маркс, который может оказаться весьма полезным при анализе этих изменений в социальной структуре. Ведь порою кажется, что они сметут все прежде, чем мы достигнем двадцать первого века. И рассуждения Маркса по этому поводу следует искать во втором томе ныне отвергнутого «Капитала».

Упомянутые изменения проявляются все более отчетливо в неуловимых движениях времени и пространства на рубеже веков. Второй том «Капитала» посвящен (как это явствует из подзаголовка) *процессу обращения капитала*. Производство осуществляется в определенное время и в определенном месте,

¹ *Lash S., Urry J. The End of Organized Capitalism. Cambridge: Polity Press, 1987.*

а обращение придает ему динамизм: товары «спускаются на воду» и, обретая мобильность, плывут через время и расстояния. В первой части этого тома Маркс анализирует кругооборот [circuits] капитала – то, как одна его форма превращается в другую. Он выделяет три формы кругооборота: движение денежного капитала, производительного капитала и товарного капитала. Производительный капитал, в свою очередь, состоит из средств производства (постоянного капитала) и рабочей силы (переменного капитала). Таким образом, в процессе обращения участвуют четыре типа капитала: денежный капитал, товары, средства производства и рабочая сила. Они перемещаются в пространстве и движутся в разных и меняющихся временных рамках.

Современные марксисты идут схожим путем. Их единственная отличительная особенность состоит в том, что они конкретизировали марксову абстрактную модель кругооборотов капитала. Они понимают, что обращение происходит в реальном, совершенно материальном географическом и социальном пространстве. И во временном измерении они также используют эту абстрактную модель более конкретно. Прочитав самого Маркса, можно заключить, что одна и та же модель в равной степени применима ко всем этапам истории капитализма, а выделенные им четыре типа капитала всегда обращаются исторически неизменным образом.

Современные же марксисты, напротив, вводят в анализ временные различия, предлагая примерно следующую периодизацию (именно ей мы следовали в нашей книге «Конец организованного капитализма»). Сначала, в XIX в., во времена «либерального» капитализма кругообороты разных типов капитала происходили на уровне отдельных районов или регионов, причем они практически не пересекались и не накладывались друг на друга. Затем, в XX в., настала эпоха «организованного» капитализма, когда перемещение денег, средств производства, потребительских товаров и рабочей силы осуществлялось, как правило, в масштабах государства. В развитых обществах в этот период появилась крупная бюрократически организованная фирма, интегрированная вертикально или иногда горизонтально в масштабах всей страны. Тогда же произошло вытеснение региональных цеховых профсоюзов производственными профсоюзами, деятельность которых простиралась на всю страну. Товарные рынки, рынки капитала и даже рынки труда стали действовать на уровне национальных хозяйств в целом.

Наконец, приходит «деорганизованный» капитализм, а вместе с ним – более фрагментированные и гибкие типы производства, когда обращение капитала выходит на международный уровень. В конце XX в. циклы движения товаров, производительного капитала и денег претерпевают качественные изменения и становятся поистине международными: развивается мировая торговля, увеличивается объем прямых иностранных инвестиций, более интенсивно движутся глобальные финансовые потоки. Эти процессы стали наиболее заметны в 1980-е годы. Объемы внешней торговли увеличивались в среднем на 7% в год, в то время как общий объем промышленного производства в странах ОЭСР – лишь на 3%. Рост прямых иностранных инвестиций происходил еще быстрее и с 1983 по 1988 г. составил 20% в год. Что касается денежного капитала, то объем ценных бумаг [bonds] на мировом рынке увеличился со 150 млрд. долл. в 1983 г. до 460 млрд. в 1989 г., а объемы торговли на международных рынках ценных бумаг [equity markets] выросли с 73 млрд. долл. в 1979 г. до 1 212 млрд. в 1988 г.

Это новое капиталистическое хозяйство (дословно – политическую экономию) можно назвать одновременно и «постфордистской» (в том смысле, что она пришла на смену эпохе массового производства и массового потребления), и постмодернистской. Три формы капитала (деньги, производительный капитал и товары), движение которых в международном пространстве мы только что описали, – это *объекты* [objects]. Четвертый тип капитала (рабочая сила, или переменный капитал) – это *субъект* [subject]. Таким образом, циклы кругооборота капитала, о которых говорил Маркс, являются одновременно

циклами кругооборота объектов и субъектов, где последние все сложнее отделить друг от друга. А с переходом от организованного капитализма к дезорганизованному различные объекты и субъекты в этом капиталистическом хозяйстве не только начинают перемещаться на все большие и большие расстояния, но делают это все более *стремительно*, особенно в связи с возникновением и развитием электронных сетей.

Именно это более быстрое обращение объектов лежит в основе «потребительского капитализма» [consumer capitalism]. Товарооборот идет все быстрее, и объекты, а также культурные артефакты превращаются в одноразовые товары и постепенно лишаются смысла. Некоторые из этих объектов (например, компьютеры, телевизоры, видеомагнитофоны и аппаратура класса hi-fi) производят гораздо больше культурных артефактов или знаков («обозначающих»), чем люди в состоянии воспринять. Людей просто атакуют различными обозначаемыми, и им все труднее становится соотнести с ними определенные «обозначаемые», или смыслы. Подобно самому первому «субъекту эпохи модерна» [modern subject] неврастеничному фланеру [neurasthenic flâneur] Георга Зиммеля, люди оказываются перегружены этими знаками, которыми их засыпает современный город, у них наступает пресыщение. В этом смысле – в виду возрастающего изобилия и скорости обращения культурных артефактов – постмодернизм представляет собой не столько критику модернизма или радикальный отказ от него, сколько его радикальное *преувеличение* [exaggeration]. Он более современен, чем сама современность. Постмодернизм гиперболизирует процессы возросшей скорости оборота и уменьшения срока службы субъектов и объектов.

В последнее десятилетие анализом таких постмодернистских хозяйств и обществ занимались в равной мере и правые, и левые. Если модернизм, отрицая существование Бога, порывал с основами западной традиции, то постмодернизм, возвещая о «конце Человека», разрушал даже те немногие основы, которые еще оставались. Постмодернизм довел до предела абстракцию, бессмысленность, вызов традиции и истории, порожденные модернизмом. В этом сходятся и неоконсерваторы, и многие марксисты. Во всяком случае, удивительно схожи не только их оценки настоящего, но и пессимистичные прогнозы на будущее.

Этот пессимизм в значительной мере оправдан. Однако одна из целей данной книги – показать, что выход все-таки есть. Мы хотим показать, что «хозяйства знаков и пространства», распространившиеся на заре организованного капитализма буквально повсюду, ведут не только ко все возрастающей утрате смысла, гомогенизации, абстракции, аномии и разрушению субъекта. Одновременно происходят и совершенно противоположные процессы. Они способны наделить работу и досуг новыми смыслами, восстановить ценность сообщества и индивида, реконструировать видоизмененную субъективность и вернуть пространству и повседневной жизни их разнообразие и сложность.

Одна из причин, почему многие аналитики столь единодушно рисуют мрачные картины будущего, заключается в том, что они исходят из чрезмерно структуралистской трактовки социальных процессов. Такая трактовка господствует среди структуралистов и постструктуралистов как левой, так и правой политической ориентации. В данной книге мы попытаемся скорректировать эту позицию, сосредоточившись на анализе субъективности и, в частности, все более значимой *рефлексивной* человеческой субъективности [reflexive human subjectivity]. Мы рассмотрим причины и последствия субъективности, вовлеченной в процесс «рефлексивной модернизации» [reflexive modernization].

В «Конце организованного капитализма» такого анализа нет – там рассматриваются лишь хозяйства пространства [economies of space], удивительная мобильность объектов и субъектов, а также то, как эта мобильность структурируется и структурирует происходящие процессы. В последних главах данной книги мы обратимся к анализу причин и последствий различных видов мобильности, поговорим о мигрантах, приезжающих в США и Европу в поисках работы, а также об огромной массе временных перемещений, сопряженных с

путешествиями и туризмом. Современные общества невозможно объяснить, не поняв влияния столь интенсивных потоков на хозяйства, социальную структуру и способы культурной интерпретации разных обществ. Мы покажем также, что в моделях миграции произошли существенные перемены, в том числе появились постфордистские гетто и постфордистские модели путешествий.

Мы увидим также, что перемены коснулись не только перемещающихся субъектов, но и связанных с ними *объектов*. Последние постепенно освобождаются от материального содержания. Все чаще мы наблюдаем производство не материальных объектов, а *знаков* [signs]. Знаки эти двух типов. Это либо постиндустриальные или информационные товары, имеющие преимущественно когнитивное содержание. Либо это то, что можно назвать постмодернистскими товарами, имеющими прежде всего эстетическое содержание. Развитие последних мы наблюдаем не только в распространении объектов, изначально содержащих значительный эстетический компонент (например, поп-музыка, кино, досуг, журналы, видео и т.д.), но и в увеличении компонента знаковой стоимости [sign-value] или образа, воплощенных в материальных объектах. Подобная эстетизация материальных объектов имеет место в производстве, обращении и потреблении товаров.

Например, в производстве эстетизация проявляется в том, что стоимость товара в значительной степени определяется его дизайном, а характер трудового процесса уже не столь важен для производства добавленной стоимости. Это касается даже промышленного производства – ныне более «дизайнотемного» и связанного с интенсивной научно-исследовательской деятельностью. Причем последняя зачастую несет важную эстетическую нагрузку – например, применительно к таким товарам, как одежда, обувь, мебель, автомобили, электроника и т.п. Потребительские товары длительного пользования предстают своего рода встроенной «микросредой» зданий, помещений, офисов, автомобилей и т.д.

Мы надеемся показать, что после «организованного капитализма» появилось особое «хозяйство знаков и пространства». Современный мировой порядок (или беспорядок) в этом смысле представляет собой некую структуру потоков, децентрированный набор хозяйств знаков, расположенных в пространстве. Однако наряду с этими асимметричными сетевыми потоками и в противовес им появляется все больше доказательств существования принципиально иной группы процессов. Есть данные, показывающие, что индивиды, человеческие существа, которые все больше подчиняются таким хозяйствам пространства и являются их субъектами, одновременно относятся к ним со все более *рефлексивных* позиций. Наряду с молчаливым большинством, наркоманами телевидения и «черной дырой» бодрийаровского «семиошафта» [semio-scape²], появилось огромное число мужчин и женщин, все более критически и рефлексивно воспринимающих эти институты нового информационного общества.

Растущее пространство позволяет подобной критической рефлексивности развиваться отчасти благодаря более активному распространению культурных компетенций [cultural competencies], а отчасти – в силу тенденции разрушения доверия к «экспертным системам» нового порядка. В первую очередь эта растущая рефлексивность является неотъемлемой частью радикального усиления индивидуализации в эпоху позднего модерна. Иными словами, идет непрекращающийся процесс *де-традиционализации*, в ходе которого социальные агенты все больше «освобождаются» от гетерономного контроля или наблюдения со стороны социальных структур и вместо этого вовлекаются в процессы *само-наблюдения* или *саморефлексии*. Эта ускоряющаяся индивидуализация представляет собой

² «Семиошафт» – пространство (ландшафт), наполненное овеществленными знаками-объектами. <http://tell.fl.purdue.edu/RLA-archive/1997/French-html/Riggs,Larry.htm>. – Прим. перев.

процесс, в ходе которого действие высвобождается из структуры. В этом процессе сами структурные изменения, сопровождающие модернизацию, подталкивают субъектов действия к тому, чтобы захватить власть, прежде принадлежавшую социальным структурам. В результате мы видим, как структурные изменения в хозяйстве побуждают индивидов, например, к освобождению от структурной жесткости фордистского процесса труда. Иными словами, то, что рабочая сила все больше тяготеет к самонаблюдению [self-monitoring] и рефлексивует по поводу правил и ресурсов создания рабочего места, становится все более важной предпосылкой структурных хозяйственных изменений и условием накопления капитала. Поэтому мы достаточно внимательно рассмотрим развивающийся процесс *рефлексивного накопления* [reflexive accumulation] в хозяйственной жизни.

Таким образом, предлагаемая книга представляет собой не просто пример глобальной социологии потоков – мигрантов, туристов, коммуникаций, образов, денег, информации и времени. В не меньшей степени это пример и международной, и локальной [inter-national and local] социологии рефлексивности. Практически во всех работах о рефлексивности последняя понимается почти исключительно в *когнитивном смысле*. Многие из этих работ восходят к социологии науки, где рефлексивность в широком смысле понимается как применение основных положений той или иной теории к самой теории или, еще шире, – процесс самонаблюдения экспертной системы, когда последняя анализирует самое себя, опираясь на собственные же постулаты. Менее конструктивистски настроенные социологи науки еще более расширили это понятие, включив в него – вместо саморефлексивности научного сообщества – растущую склонность все более индивидуализированной непрофессиональной публики *ставить под сомнение* исходные предпосылки науки и сами экспертные системы. Впоследствии в дискуссиях о том, как социальные агенты все больше учатся наблюдению и организации собственных нарративов, а общество (при помощи социальных наук) – самоконституированию, социологическая теория, как правило, по-прежнему пользовалась когнитивно перегруженным понятием рефлексивности. В последующих главах мы также уделим достаточно внимания этому когнитивному измерению рефлексивности. Однако, в отличие от других авторов, сосредоточимся на явлениях хозяйственной жизни и рассмотрим, в частности, «рефлексивное производство» и «рефлексивное потребление».

Между тем, пожалуй, не менее важной особенностью поздних современных обществ является параллельное развитие другого феномена. Речь идет о все большем распространении не когнитивной, а *эстетической* рефлексивности. Когнитивная рефлексивность берет свое начало в рационалистических декартовых постулатах, традиции современности, возникшей в эпоху Просвещения, в то время как другое измерение рефлексивности коренится в посылах и практиках эстетического модерна, т.е. в другой современности – здесь мы имеем дело не с Декартом, но с Бодлером, не с Руссо, но с Рэмбо. Если когнитивная рефлексивность – это наблюдение за самим собой, за своими социоструктурными ролями и ресурсами, то эстетическая рефлексивность предполагает *само-интерпретацию* и интерпретацию основополагающих социальных практик. Если когнитивная рефлексивность предполагает суждение [judgement], то эстетическая рефлексивность герменевтически (как это показано в работах Гадамера) опирается на «предшествование суждению» [pre-judgements]. Если когнитивная рефлексивность исходит из того, что связь индивида с самим собой и с социальным миром носит субъектно-объектный характер, то эстетическая рефлексивность полагает субъекта одновременно «субъектом-в-мире» [being-in-the-world].

Сфер повседневной жизни, где можно встретить примеры эстетической рефлексивности, становится все больше. В самом хозяйстве во многих его отраслях все более важное место занимает «дизайнотворное» производство. Если знаниеемкое производство товаров и услуг воплощено в их полезности, то «дизайнотворность» воплощается в «экспрессивной компоненте» товаров и услуг – компоненте, имеющей значение для всех товаров, начиная с

отраслей культуры до «управления сердцем» [контроля над эмоциями] [букв. – «managed heart»] стюардесс³. Подобным же образом опираются на эстетическую рефлексивность и практики потребления, и «мифы исторических мест», конструируемые и деконструируемые туристами и путешественниками. Эстетическая рефлексивность воплощена в современном ощущении времени – в широко распространенном отказе от жизни по часам [clock time] и любых других утилитарных попыток построения временной структуры. Эстетическая, или герменевтическая, рефлексивность воплощена в подспудных предпосылках, в неартикулируемых практиках, в которых смысл привычно создается в «новых» сообществах – субкультурах, воображаемых сообществах и «изобретенных сообществах» [invented communities], каковыми являлись, например, экологические и прочие социальные движения конца XX в. Таким образом, на протяжении всей книги мы будем говорить и об эстетической, и о когнитивной рефлексивности.

Работа «Хозяйства знаков и пространства» представляет собой попытку эмпирически укорененной социологии анализа времени [zeitdiagnostische Soziologie] и включает социологию потоков и социологию рефлексивности. Как мы уже показали, потоки и рефлексивность могут в сущности выступать как противоположные друг другу явления. Но это не единственный возможный вариант их взаимодействия. Гипотеза индивидуализации, скрытая в феномене рефлексивности, была сформулирована западной социальной теорией в конце 1980-х – начале 1990-х годов. В США она способствовала распространению теории рационального выбора; в Европе – усилению влияния теорий рефлексивной модернизации или рефлексивной современности; а в Великобритании она прозвучала в спорном утверждении экс-премьера Маргарет Тэтчер о том, что понятия общества не существует, есть лишь набор потенциально склонных к предпринимательству индивидов, действующих в контексте сильного национального государства. Понятие индивидуализации звучит и в апокалиптических высказываниях Жана Бодрийара об имплозивном [implosive⁴] распаде «социального».

Мы согласны – во вполне прозаическом эмпирическом смысле, – что существовавшие прежде социальные структуры действительно имеют меньше возможностей контроля над все более автономным действием, нежели раньше. Однако мы не утверждаем, что в результате структурные объяснения сразу же утрачивают всякую ценность. Напротив, мы предполагаем, что для нынешних рефлексивных индивидов необходима структурная основа. Но это не социальные структуры, а все более распространяющиеся *информационные и коммуникативные структуры* [information and communication structures]. Мы предполагаем, что сейчас начинает разворачиваться процесс, в ходе которого общенациональные по своему масштабу социальные структуры замещаются глобальными информационными и коммуникативными структурами. Эти информационные и коммуникативные структуры и *есть* сетевые потоки, хозяйства знаков и пространства, которые являются предметом данной книги. Структурированные таким образом потоки и процессы накопления информации составляют основу когнитивной рефлексивности. А структурированные потоки и процессы накопления образов, экспрессивных символов являются условием возникновения эстетической рефлексивности. Тем самым, и когнитивная, и эстетическая рефлексивность обусловлены хозяйствами знаков в пространстве.

³ Авторы имеют в виду книгу: Hochschild A.R. The Managed Heart: Commercialization of Human Feeling. Berkeley: University of California Press, 1983 [2003]. В этой книге Арли Хокшильд анализирует превращение человеческих эмоций в товар и последствия этого феномена для индивидов, чья работа предполагает проявление эмоций. Особое внимание Хокшильд уделяет коммерческому управлению чувствами, различиям между разными типами эмоционального труда, а также тому, как индивидуальный механизм проявления чувств влияет на гендер, статус и поиск себя. <http://www.ucpress.edu/books/pages/1737001.html>; <http://www.academon.com/lib/paper/25033.html>. – Прим. перев.

⁴ Implosion: направленный внутрь взрыв, или сворачивание. – Прим. перев.

<...>

Нашу книгу «Конец организованного капитализма» критиковали за высказанное в ней предположение, что современные общества не столько реорганизованы, сколько дезорганизованы. В предлагаемой книге мы показываем – и, надеемся, более убедительно, – что современный капитализм действительно дезорганизован. Мы имеем в виду, что потоки субъектов и объектов становятся все менее синхронизированы с национальными границами. И несмотря на то, что в каждой отдельной стране есть весьма влиятельные организации, это отнюдь не означает, что данные рамки окажутся синхронизированными. Ведь разные организации действуют в разном времени. Это могут быть мгновения в случае работы компьютера и связанных с этим форм глобальной электронной коммуникации, и многовековые изменения в окружающей среде, когда индивиды вынуждены думать о последствиях своих действий для еще не родившихся поколений людей, животных и растений. Так что общества индивидов оказываются подвержены систематической десинхронизации, и в определенном смысле это касается всего человечества. Сегодняшний мир – это «общество риска», где индивиды сами создали глобальные проблемы и сами же все больше рефлексируют по поводу их последствий, пытаясь решить их хотя бы частично. А процесс индивидуализации, лежащий в основе общества риска, зависит от ослабления роли институтов и для ряда ныне ключевых организаций в буквальном смысле означает начало конца. Таким образом, современная жизнь основывается на социальной организации рефлексивности. Нельзя, однако, с уверенностью утверждать, что эта рефлексивность может быть организована так, чтобы регулировать и минимизировать масштаб данных рисков.

Множество тем в книге опущены или затронуты вскользь. Отчасти это сделано потому, что даже в толстой книге невозможно объять необъятное, а отчасти потому, что все, что мы могли сказать на эти темы, оказалось бы банальным. Среди таких тем, в частности, теории патриархата, революции в Восточной Европе, развитие Европейского Сообщества, растущее влияние стран Тихоокеанского бассейна (помимо Японии), изменения в форме государственного управления, природа науки и технологии, последствия этих разнообразных процессов для стран Северо-Атлантического бассейна (опять же, за исключением Японии). Это книга о центре, об основных силах в новом мировом устройстве, о новых глобальных городах, о миграции в этот центр и из него, наконец, – о теоретических догадках и эмпирических попытках исследования этого центра.

Однако речь идет не о каком-то контролируемом центре. Дезорганизованный капитализм дезорганизует и все вокруг. Нет ничего фиксированного, заданного, определенного – все основано на гораздо большем объеме знания и информации, на институционализированной рефлексивности. Люди все больше узнают о том, как же мало на самом деле они знают. Подобные все менее контролируемые хозяйства знаков и пространства невозможно понять без в высшей степени сложных и постоянно развивающихся форм информации, знания и эстетических оценок. Незапланированные последствия рефлексивности, т.е. влияние рефлексивного действия на все более случайную структуру, зачастую ведут его к еще большей дезорганизации.